

Илья Ашмаев

Тёмный Свет

Сны о чём-то большем...

Илья Ашмаев

**Тёмный свет. Сны
о чём-то большем...**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ашмаев И.

Тёмный свет. Сны о чём-то большем... / И. Ашмаев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В этой книге удивительным образом переплелось несколько литературных жанров: приключения, мистика, фантастика, философия и любовный роман. Главные герои произведения переживают серьёзные духовные трансформации, преодолевая созданные ими самими преграды и становясь счастливыми и свободными людьми. Демон и ангел, бомж и алкоголик, душевнобольной и самоубийца, студент и игрок, а также семь необузданных женщин — вот эти ге-рои, скорее следуйте за ними, и вы никогда не пожалеете о потерянном времени!

Содержание

Аннотация.	6
Об авторе.	7
От автора.	8
Глава 1. Пробуждение.	9
Глава 2. Первая страница.	10
Глава 3. Наводнение.	12
Глава 4. Появление.	14
Глава 5. Дневник.	16
Глава 6. Эпидемия.	17
Глава 7. Мама и дочка.	19
Глава 8. Больница.	22
Глава 9. В дверь постучали.	24
Глава 10. Инспектор.	26
Глава 11. Преисподняя.	30
Глава 12. Сатана.	33
Глава 13. Полина.	35
Глава 14. Дитрих.	37
Глава 15. По следу.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

ТЁМНЫЙ СВЕТ
Сны о чём-то большем...

Аннотация.

В этой книге удивительным образом переплелось несколько литературных жанров: приключения, мистика, фантастика, философия и любовный роман. Главные герои произведения переживают серьёзные духовные трансформации, преодолевая созданные ими самими преграды и становясь счастливыми и свободными людьми. Демон и ангел, бомж и алкоголик, душевнобольной и самоубийца, студент и игрок, а также семь необузданных женщин – вот эти герои, скорее следуйте за ними, и вы никогда не пожалеете о потерянном времени!

Об авторе.

Илья Ашмаев писал свою книгу почти 20 лет, и напиши он её раньше, она получилась бы совсем другой. В каждого героя этого романа он вложил свой собственный жизненный опыт, знания и мысли. Родившийся в глубокой Сибири автор закончил своё произведение к 44 годам, но по-прежнему чувствует себя молодым, полным энергии и оптимизма, чего желает всем своим дорогим читателям!

От автора.

*Любовь и ненависть, отчаяние и вера,
Добро и зло, духовность и порок -
Всё в людях спрятано, но неизвестна мера,
Неведом путь и не отпущен срок.*

О чём я написал в этой книге для вас, дорогие читатели? Каждый возьмёт из неё что-то своё, то, в чём больше всего нуждается на сегодняшний момент. Кого-то привлечёт линия любви, таинственным образом объединившая пути демона и ангела; кому-то станет близкой удивительная судьба других героев, смело решившихся на отчаянные поступки; кого-то затянет водоворот мудрых или безумных откровений; кому-то понравится сам сюжет, его хитросплетения, завязка и развязка... Предугадать мне ваш выбор невозможно так же, как и вам нельзя предвидеть все те загадочные события, которые разворачиваются в этом романе.

О чём я написал в этой книге для себя? О том, о чём мне ещё только предстоит узнать. Каждый из нас сталкивается в этом мире только с одной загадкой, которую решает всю свою сознательную жизнь. Я готов помочь и вам, и себе в открытии этой главной тайны – тайны самого себя. Роман «Тёмный свет. Сны о чём-то большем...» поможет всем ближе познать то существо, которое скрывается в каждом из нас. Оно любит и ненавидит, оно доброе и злое, оно отчаялось, но верит.

Глава 1. Пробуждение.

Я открыл глаза и пролежал так несколько минут в глубокой прострации. В тот момент мне казалось, что спать я больше не буду никогда в жизни. Все события, развернувшиеся передо мной за последние несколько ночей, плотным кольцом окружили голову и не давали проснуться окончательно.

Через час пассивного созерцания свисающего с потолка лоскута штукатурки я наконец смог окончательно вернуться в эту реальность. Не спеша заварил кофе, постоял с горячей кружкой у запотевающего окна и наконец сел за свой стол. Передо мной лежал Дневник. В этом Дневнике было всё, с самого начала, и не хватало только одной последней записи. Но прежде, чем её сделать, я открыл первую страницу и уже не смог остановиться.

Глава 2. Первая страница.

За окном лил безжалостный в своей неотвратимости осенний дождь. Я не люблю этот мокрый, шумный и неприятный вид осадков. Я больше люблю снег, он ассоциируется у меня с праздником, солнцем и весельем. А дождь – это хмурое и тучное небо, скомканные прохожие, шмыгающие разбухшие ботинки, грязная прихожая и... одиночество. Я никогда не чувствую себя одиноким, ибо умному и начитанному человеку наедине с собой скучно не бывает, но только не в тот мучительный момент, когда идёт осенний дождь. Тогда этот “умный человек” почему-то становится страшным занудой, я перестаю с ним разговаривать, он кутается в свой страшный огромный свитер и достаёт бутылку красного вина из серванта. Он пьёт и смотрит в это ужасное окно в своей комнате... Краска на раме облезла, стёкла и замазка потрескались, законопаченные щели оклеены рваными полосками ткани, а по ту сторону окна идёт противная изморось. Но ничего не поделаешь – эта рама как магнит во время ненастья притягивает к себе одинокую душу и не отпускает до последнего вздоха. Когда вздохи заканчиваются, одинокая душа, залитая сухим вином, обычно закрывает глаза и уносится на карусели в далёкие дали.

Так произошло и вчера. Я постоял на кухне в напрасном ожидании услышать хоть одно внятное слово от своего внутреннего собеседника и, не дождавшись, взял из старого серванта вино, бокал и направился в свою комнату. Диван, на котором я сплю, стоит у самого окна и на нём удобно сидеть, облокотившись о подоконник и стену, наблюдая сквозь размытое отражение в стекле беспомощных прохожих. Они причудливо стараются перепрыгнуть бесконечные лужи, промахиваются и с плеском окунают свои ноги в грязную жижу. Весело...

Сидя с бокалом, который мой внутренний собеседник время от времени злорадно пополнял, я постепенно стал терять контроль над реальностью и начал кивать подбородком. Несколько раз я перебарывал подступающий сон, но в конце концов отступил, поставил бокал рядом с бутылкой на обшарпанный подоконник и слегка прислонил голову к стене. Тёплая батарея, красное вино и однообразный шум ливня располагали к уютному и беззаботному отчаливанию в сладкое беспмятство, и тогда я ещё не предполагал, что утром буду лежать с широко открытыми глазами и в недоумении пытаться осознаться в старом мире.

Я никогда не думал, что подобное может произойти со мной. Я читал о таких вещах и даже верил, что это в принципе возможно, что это не ложь и не выдумки. Но здесь, как и в телевизионном розыгрыше лотереи – ты видишь прыгающего от счастья везунчика и понимаешь, что тебе так никогда не повезёт. Не для тебя все эти праздники жизни, ты просто обыкновенная серая мышь, с которой не может произойти ничего удивительного. И вся эта индейская или буддистская магия с её астралами и осознанными сновидениями – всё это где-то в другой реальности, о которой ты можешь узнать у телевизора или прочитать в книге, но никогда не сможешь непосредственно сам в ней оказаться...

Закрыв глаза, я сквозь шум крови в барабанных перепонках продолжал слышать бьющиеся об оцинковку отлива капли дождя. Казалось, сон уже пришёл, но как-то не до конца... Я наблюдал возникающие передо мной размытые образы и пейзажи, это были какие-то вспышки таинственной реальности, другого сознания, проникающие сквозь ослабленную защиту в мой мир, но быстро угасающие и сменяющиеся новыми появлениями. Какие-то горы, затем равнины, деревья, потом дома, лица... Всё это было как на фотографиях, надолго опущенных в проявитель, когда из пустоты возникает изображение, а потом заволакивается туманом и исчезает в темноте. Только происходило это гораздо быстрее, ни один кадр не задерживался больше секунды. Я стал пытаться остановить эту беспорядочную смену фрагментов неведанного мира перед свои взором и вскоре меня постигла удача. Тогда я понял, что это никакие не фотографии. Изображения двигались! Деревья шелестели листвой под порывами ветра, люди ходили,

поворачивались и разговаривали. Слышались обрывки фраз, но я никак не мог понять их, как будто слоги были переставлены местами... Через мгновение раздался раскат грома, ливень за окном обрушился сплошным потоком и мои глаза открылись. Я висел высоко в воздухе над покосившимися деревянными домами, за которыми виднелся густой тёмный лес, справа вышался высокий холм с церковными куполами, а в небе сверкали молнии и освещали то, как...

Глава 3. Наводнение.

...вода поднималась из берегов реки и ещё некоторое время обходила дома и переулки, с ухмылкой оглядываясь на предстоящую поживу. Затем постепенно, с толком и расстановкой, словно смакуя, стала затапливать деревенские дворы. Связь с внешним миром была практически потеряна, поскольку просевшие в размытой почве телеграфные столбы покосились и оборвали провода. Когда вода, подняв на свою поверхность всевозможную утварь, мусор, палки, помои и другие продукты человеческой жизнедеятельности стала сочиться под двери и проникать в дома, пришлось подняться с печи даже самым ленивым и безучастным жителям деревни.

Печальной вереницей потянулись вверх по склону холма груженные нехитрым скарбом телеги, и промокшие насквозь люди то сидели на них понуро, поправляя нависший груз, то брели рядом, держа под уздцы трясущих тяжёлыми гривами лошадей. Только шумливые собаки весело рассекали своими гордыми телами бесконечные потоки воды и лай их придавал этой мрачной картине хоть какие-то признаки не загробной жизни. Они бегали взад и вперёд вдоль тоскливой процессии, надёжно осуществляя свою благородную миссию – мешали сердитым беженцам выталкивать застрявшие повозки из грязного месива.

На вершине холма стояли стены старого монастырского подворья, местами порушенные временем, местами имевшие следы скудного ремонта. От помещений остались зияющие оконными пустотами, дверными проёмами и провалившимися кровлями жалкие останки. Храм на территории монастыря имел куда более презентабельный вид, поскольку поддерживался местными жителями и проезжими меценатами. Батюшка был человеком мастеровым, многие работы выполнял сам, но и от посильной помощи не отказывался. При этом он сам же изготавливал нехитрые церковные атрибуты и торговал ими в ближайшем городе на рынке.

Сквозь шум ниспадающей пелены дождя и отзвуки барабанной дробы по дырявым жестяным крышам подворья слышны были крики суетливых крестьян, натужное мычание коров и кудахтанье возмущённых кур. Основное количество нажитого добра свалили под покровом обветшалых строений, сами же люди собрались в храме, где было сухо и тепло. Расположились кто на скамейках, кто прямо на полу, в тесноте, да не в обиде. Тихие пересуды не отличались большим разнообразием и носили чаще вынужденный характер – больше отвлечь себя было нечем. Слышны были редкие молитвы и жалостливые причитания. На бегавших время от времени детишек тут же цыкали, хватали их и стыдили – церковь же! Деревня была небольшая и все вокруг друг друга знали.

К вечеру собрались последние беженцы. Скромно и с позволения батюшки перекусив, устроились поудобнее, кто как мог, и отошли ко сну.

В час ночи раздался невообразимый грохот, будто разверзлись небеса и ниспослали на землю проклятие за всю историю человеческих грехов. Сильный удар сотряс всю округу и непонятно было, сошёл ли он с небес или раздался из-под земли. Огромный столб пламени озабрил церковный холм, в храме стало светло, как днём, полетели стёкла и витражи, посыпалась штукатурка, что-то зазвенело и рухнуло. Вскочившие в ужасе люди не знали, куда деваться, натыкались друг на друга, падали, поднимались, и снова падали. Дощатый пол ходил ходуном и дрожал под ногами. В церковь ударил разряд молнии, стены ее содрогнулись, но выдержали, внутрь ворвался шквал ветра, превратился в маленький смерч посреди зала, но через несколько мгновений затих и исчез. Вместе с ним стихло и вокруг.

Люди зажгли свечи, осветившие дрожащим пламенем перепуганные лица. После недолгих переговоров о том, что же это могло быть, они успокоились, видимо сказалась сильная усталость, и снова улеглись. Заснули быстро.

Разбудил жителей деревни громогласный петушиный хор и яркие солнечные лучи, проникшие через разбитые окна ночного убежища. Постепенно люди пришли к осознанию того, что прекратился этот опостылевший за долгие дни и ночи непрерывный гул в ушах. Ливень, этот нескончаемый небесный потоп, наконец-то закончился! Вскоре наполненные радостью лица показали в раскрытых настежь дверях храма и высыпали во двор. Весело жмурясь на солнце и обнимаясь, люди стали осматриваться по сторонам и тут их взору предстала новая неожиданная картина. Возле покосившихся ворот монастырского подворья образовалась расщелина, огромный котлован, поглотивший в себя старый сарай с запертыми там накануне козами и коровами. Дна этому провалу видно не было, и звуков из него не доносилось никаких... Весь домашний скот канул в зияющую пустоту бесследно, словно послужил символическим жертвоприношением за наступивший покой. В недоумении стояли люди перед обрывом, но разводить руками было бесплодным занятием, и, повздыхав, они обратили свой взор вниз, на деревню. От наводнения не осталось и следа, вся вода ушла в неизвестном направлении, оставив после себя только грязь и беспорядок. Увидев это, жители деревни несказанно обрадовались, забыли про ночное происшествие и начали собираться домой. Делами и заботами многодневное ненастье их обеспечило надолго, и тужить-горевать было просто некогда.

Глава 4. Появление.

Это была боль. Настоящая человеческая боль... Тысячи игл одновременно вонзались в его костные и мышечные ткани, причиняя невероятное страдание физическому телу. Нервная дрожь начала передаваться от сустава к суставу, в какой-то миг сердце даже сжалось в судороге и, казалось, больше не разожмётся. В висках запульсировали вздутые прожилки кровеносных сосудов, готовые взорваться всплеском алых брызг. Из лёгких через сжатую гортань еле вырвался хриплый надрывный крик: “Ха-а-а-а!” – и сердце снова забило. Жадно заглотив воздух, человек расправил плечи и медленно, шатаясь, поднялся с колен. Посмотрев наверх, он увидел лишь маленький разорванный кусок закатного неба, вокруг же него была лишь тьма. Человек осознал, где находится, и, склонив мокрую голову, бесшумно засмеялся. Чрево... Этот котлован напомнил ему о чреве матери, из которого появляется на свет ребёнок. Через секунду он уже смеялся громко, открыто, высоко задрал голову и глядя вверх расщелины. Закончив веселье, человек, абсолютно голый, выпачканный землёй, подобрался к краю ямы и, перебирая руками и ногами, скатываясь, стал забираться наверх.

Когда все беженцы покинули монастырское подворье, батюшка, вздыхая, принялся восстанавливать последствия ночного погрома в храме. Вытащил битые стёкла, кое-где вставил новые, поправил рамы, прибрал попадавшие на пол осколки штукатурки и кирпичей. К тому времени начало и темнеть. Решив перед отходом ко сну поправить алтарь, священник взял в подсобке молоток и коробку с гвоздями. Длинные седые волосы он скрепил сзади резинкой, чтобы не мешали, закатал рукава старой фланелевой рубашки, раскрашенной красными и синими цветами, и принялся за дело. Когда он опустился на пол в поисках оброненного гвоздя, то неожиданно услышал скрип в стороне главного входа в церковь. Попытавшись разогнуться и встать, батюшка с гримасой боли схватился за поясницу – старый радикулит он хреном так и не вылечил, а аптечные лекарства не признавал. Скорчившись на полу, он слушал, как прогибаются половицы под чьими-то тяжёлыми шагами – кто-то направлялся через неф к хору.

– Кто здесь? – хрипло задал батюшка вопрос в пустоту, но пустота не ответила.

Шаги не прекратились. Обогнув алтарь, они направились в глубину восточной части храма, и пока священник молча страдал от своего бессилия что-либо предпринять, стихли. Тяжко вздохнув, старик предпринял очередную героическую попытку, и она закончилась успехом. Разогнувшись, батюшка подождал, оперевшись на алтарь, пока разойдутся тёмные круги перед глазами, и посмотрел по сторонам. Никого не было. Тогда он медленно повернулся назад, чтобы спуститься в зал, и тут же застыл, как вкопанный.

Страх. Этот страх священник помнил с детства. Тогда в острой лихорадке, вызванной инфекционным заболеванием, он просыпался после ночного бреда, а перед его открытыми глазами всё ещё стояла тёмная бездна. И вот, спустя многие годы, он опять смотрел в эту бездну. Она останавливала течение реальности и заполняла её лишь одним осознанием – осознанием смерти. Вдаль в бесконечность уносились пустые житейские хлопоты и человек оставался один на один с Истиной, пугающей своей безысходностью и неотвратимостью. Один на один со Смертью. Только в этот момент он понимал всю ничтожность своего бренного существования в сравнении с Вечностью и Пустотой.

Холод проник через ноги священника, пробежал по всему его телу, сковал руки и шею. Старик неотрывно смотрел в пустые глаза незнакомца, так и застыв на полуобороте.

– Ты знаешь, кто я? – спросил высокий худощавый человек перед ним, на голое тело которого была накинута чёрная ряса.

Батюшка знал. Но поскольку он всё ещё не мог пошевелиться, слегка кивнул головой и моргнул глазами вместо утвердительного ответа.

– Тогда тебе суждено умереть. Мне не нужны свидетели.

– Что... что ты делаешь здесь? – наконец смог произнести церковник, вздохнув. – Зачем ты пришёл к нам, демон? Чем заслужили мы это?

– Не думай, что я рад своему появлению, – ответил незнакомец, не меняя строгой и спокойной интонации, – но мне не о чем больше с тобой разговаривать. Ступай к своему Богу.

С этими словами непрошенный гость положил правую руку на плечо священника. Батюшка сумел судорожно сунуть руку в карман штанов и достать оттуда маленькое распятие на серебряной цепочке, но тут же дрожащие пальцы выронили его на пол. Демон не обратил на это никакого внимания, на ладони его блеснул золотом большой перстень с головой орла, лёгкий электрический разряд пробежал через всё тело батюшки и ушёл в землю. Старик обмяк, не вымолвив ни слова, и рухнул на пол. Больше он не пошевелился, успев мысленно проститься с этим миром и попросить у Создателя прощения.

Незнакомец взял керосиновую лампу возле алтаря, плеснул из неё на пол и поджёг место преступления. Ярко вспыхнув, пламя быстрохватило в свои объятья всю церковь. Посетитель, взяв найденную ранее мирскую одежду, вышел наружу и встал поодаль, чтобы понаблюдать красивое в своей трагичности и ночном небе зрелище.

Жители деревни с недоумением смотрели на полыхающий на вершине холма храм, ещё недавно послуживший им пристанищем от безжалостной стихии. Не видели они лишь тёмную фигуру человека, мрачно озаряемую языками пламени, поскольку тот был от них далеко. Церковь ещё догорала в предрассветный час, когда таинственный незнакомец начал свой путь по склону холма вниз в деревню, к тем людям, с которых ему предстояло начать своё длительное путешествие, вызывающее у него злость, неприятие и желание скорейшего завершения.

Глава 5. Дневник.

Это были первые эпизоды книги, которую я перечитывал, не в силах оторвать свой взгляд от Дневника. Всё, что я описывал в своём произведении, я наблюдал как зритель кинотеатра, то изучая происходящее со стороны, то внезапно оказываясь в гуще событий среди людей. На короткие мгновения я даже становился одним из них, поселяясь внутри и переживая его эмоции, в мгновение ока узнавая его прошлое и постигая его восприятие, но при этом не мог никак влиять на окружающие события. Как только я пытался осознать себя в новом теле, я тут же уносился вверх и продолжал наблюдать за событиями “из зрительного зала”.

И вроде это был сон, яркий и захватывающий, продолжающийся день за днём с того места, где закончился накануне, но в то же время я осознавал, что сплю, и могу проснуться в любой момент, если захочу. В первое же утро после пробуждения я в спешке схватил лист бумаги и записал свой сон обрывками, боясь потерять драгоценные воспоминания. Но спустя несколько часов я понял, что сон от меня никуда не уходит и я помню каждую его деталь. После того, как сон получил своё продолжение на следующий день, я по пути с работы зашёл в магазин и купил большую толстую тетрадь. Я написал на обложке “Дневник” и уже не спеша, оценивая каждую строчку, стал переводить всё, что увидел и ощутил в своём ночном путешествии, на бумагу. Получалось что-то вроде литературного произведения, но при этом я не имел никакого его плана, фабулы, развития. Я не представлял себе, что произойдёт в следующей главе, как повернётся сюжет, в какое место перенесёт меня во сне и в какой миг я неожиданно открою глаза и увижу пыльный белый потолок в своей комнате. Но я твёрдо был уверен в том, что кто-то намеренно знакомит меня таким способом с невероятными событиями по ту сторону реальности, и вот он то знает всё наперёд и имеет чёткий план на каждую ночь. Мне, как автору, остаётся лишь плыть по волнам созерцания и описывать произошедшее в том мире с помощью чернил и бумаги в этом Дневнике.

Глава 6. Эпидемия.

Вот уже три месяца прошло с того момента, как город накрыл странный утренний туман, принёсший с собой тяжкую и неизвестную до сих пор инфекцию. Люди покрывались язвами, затем густая растительность поглощала тела заражённых, они теряли самообладание и превращались в полоумных зверей. Это не было каким-то зомби-апокалипсисом, поскольку больные не разрывали людей на части и не пили человеческую кровь. Но нападения происходили, поскольку психика у заболевших была нарушена и они не всегда отдавали отчёт своим действиям. Медленно, час за часом, день за днём они превращались в диких животных. Вслед за этим город настигли и другие заболевания, его окружили плотным военным заслоном и пропускали внутрь только автомобили с медицинским персоналом. На территории было организовано несколько палаточных лагерей для обследования и лечения, поскольку больницы с потоком заражённых уже не справлялись. Также был оборудован отдельный лагерь на территории городской тюрьмы – там содержали уже мутировавших полу-людей. Однако большинство из них свободно перемещалось по городу в вечернее и ночное время, и выловить их всех было просто невозможно, поскольку днём они прятались в забаррикадированных домах и квартирах. Желających наняться в город патрульными волонтерами не было, военный контингент тоже был ограничен, да в химзащите особо за “зомби” и не побегаешь. Поэтому все ждали мифическую вакцину, которую якобы изобретали в научных лабораториях, а по сути просто ждали, когда инфекция остановится сама. Пусть даже при этом придётся пожертвовать целым городом – ведь речь шла о государственной безопасности...

На восточной стороне улицы темноту ночи нарушал танцующий свет керосиновой лампы на третьем этаже обветшалого здания. Так и тянуло заглянуть туда поближе... чтобы увидеть склоненную женскую голову над уютной детской кроваткой. Под стеганным жёлтым одеялом лежала белокурая пятилетняя девочка, спящим дыханием из едва приоткрытых губ согревавшая унесенную в сонное беспамятство маму.

Мама девочки держалась из последних сил, но старалась не подавать виду. Каждое ее утро начиналось в последнее время одинаково – она чутко просыпалась от потягивания очнувшегося от детских сновидений ребенка, целовала его в розовый лобик и одаривала доброй улыбкой.

- Сегодня будет замечательный день!
- Все снова будут здоровы?!
- Да! Сегодня – точно!
- Но ты так всегда говоришь... а они все равно болеют...
- Сегодня – точно.

Девочку звали Полиной, и она верила своей маме. Каждое утро.

Мама готовила ребенку быстрый завтрак – кукурузные хлопья с оставшимся с вечера холодным молоком, и начинала собираться на улицу. Она снимала легкое полупальто, длинную шерстяную юбку, надевала тёплые ватные штаны, вязанный свитер, телогрейку, обвязывала голову шалью, совала изможденные ноги с толстыми носками в кирзовые сапоги и натягивала на худые руки зимние варежки. Была ещё ранняя осень, но на улице стоял неприятный и прохладный сырой туман, который проникал в неотопливаемые дома и заставлял население города даже в квартирах одеваться теплее. Облачившись во все свои рыцарские доспехи, мама вставала по стойке смирно и с широкой улыбкой отдавала воинское приветствие своей дочке, всё это время с иронией наблюдавшей за ежедневным семейным ритуалом.

- Ты вернешься, мама?!
- Обязательно, дочка!

И Полина давала разрешение маме глубоким кивком головы. Девушка брала в углу комнаты у входной двери пожарный багор с длинной красной ручкой и открывала железный запор. Её дочь вскакивала с кровати, и после ухода матери тут же аккуратно вставала на табуретку и с трудом двумя руками вставляла запор на место. Наступал новый день.

Глава 7. Мама и дочка.

Мама не говорила Полине главное – она сама была больна. Боли становились всё сильнее и нестерпимее, кожу разъедали язвы, всё чаще мутнело в голове. Девушка часто стояла вечером у окна и наблюдала внизу шатающиеся в беспамятстве тени. Её охватывал ужас от мысли, что она сама скоро превратится в животное, но самым страшным было не это... Полина! Что станет с её дочерью, когда наступит этот переломный момент – её мама перестанет осознавать окружающее? Как только первые язвы стали покрывать женское тело, девушка стала напряжённо думать, кому передать ребёнка. Она сделала несколько попыток.

Имея медицинское образование, девушка ещё до эпидемии долгое время подрабатывала, ухаживая за пожилой семьёй в соседнем квартале, сравнительно недалеко от дома. Делала уколы, измеряла давление, покупала лекарства, даже ходила в магазин за продуктами и готовила еду. Семья была очень доброй и с ней установились тёплые, даже дружеские отношения. Девушка приводила к ним свою дочь и они общались с ней как со своей внучкой, одаряя светлыми улыбками и заботой. В какой-то момент мама Полины вспомнила об этой семье и у неё сложился определённый план. Она взяла дочку и пришла к ним в дом, собрав все моральные и психические силы, держала себя бодро, разговаривала громко и постоянно улыбалась. Её якобы направляли в загородный лагерь, где срочно требовались в смену медицинские работники, но брать с собой Полину было нельзя – она могла заразиться, да и вид переполненных больничных палаток мог сказаться удручающе на её впечатлительном детском сознании. Требовалось переждать пару недель, девушку бы сменила другая медсестра, и тогда она забрала бы дочку к себе. Старики долго и безмолвно стояли в дверях, глядя то на девочку, то друг на друга, и их молчание тогда впервые заскреблось кошками на душе у мамы. Но пожилая семья согласилась и отступить уже было некуда. Передав супругам вещи и деньги, девушка поцеловала дочку и, не оборачиваясь, спешной походкой покинула двор их дома. Она шла в пустоту, не соображая дороги, и очнулась только где-то на краю города возле железнодорожных путей. Поезда ходили редко, и мама Полины в беспомощности села на рельсы, опустив голову на колени. Она долго плакала, вспоминая свою “бестолковую” юность, когда ежедневные попойки мужа заставили её выгнать того из дома и подать на развод. Вспоминала она и ухаживавшего за ней потом одноклассника, приносившего Полине конфеты и уговаривавшего её маму бросить этот злополучный город и уехать с ним в областной центр. Отказала. Гордая была – ведь когда то она любила его в школьные годы, но он не обращал на девушку никакого внимания, гулял с другими, чем поселил в молодой душе всходы ненависти. Теперь она была согласна на всё, но было уже недостижимо поздно...

Слёзы матери прервал паровозный гудок. Невесть откуда взявшийся локомотив с несколькими вагонами угля стремительно приближался к сидящей на рельсах девушке. Она закрыла глаза. У неё не было никакого желания встать с этих рельсов. Сжавшись в комок, мама опрокинулась на шпалы, а закрытую руками голову прислонила к холодному металлу. Она отбросила всякие мысли, но образ Полины настойчиво всплыл перед ней с большими, широко раскрытыми от удивления глазами. Когда девушка невольно всмотрелась в эти глаза, её пронзил холодный ужас. В них отражался бешеный оскал больной старухи и блестел кровавый нож в руке добродушного когда-то и безобидного старика. Пулей сорвавшись с рельс, мама бросилась назад, к дому, где только что оставила свою дочь.

Входная дверь была открыта настежь. Ворвавшись в квартиру, девушка застыла в шоке. На полу посреди коридора лежала в собственной крови, раскинув в стороны поросшие шерстью руки и ноги, пожилая хозяйка квартиры, а за ней, беспомощно облокотившись на стену, сидел её старик. В правой руке он всё ещё держал почти выпавший нож со следами крови, его

дрожащая от шока голова смотрела прямо на девушку, а губы еле слышно шептали: “Уходите отсюда...”

– Полина! – надрывно выкрикнула мама, дочка выскочила из тумбочки возле двери и бросилась к её ногам. Схватив девочку, мать опрометью выскочила на улицу и дала себе слово больше никогда не оставлять ребёнка, чтобы с ней самой не произошло.

Однако, вскоре девушка нарушила своё слово. Когда руки стали покрываться первыми островками шерстяного покрова, она предприняла ещё одну попытку.

Отделение милиции в тот день было переполнено. Впрочем, такую картину можно было наблюдать почти каждый день – с тех пор, как город настигла трагедия, люди не только включились в борьбу за выживание, но и старались воспользоваться сложившейся ситуацией себе в угоду. Мародёры и грабители переполняли камеры предварительного заключения и СИЗО, для них были выделены отдельные кабинеты с решётками и даже подсобные помещения. По коридорам отделения сновали взад и вперёд сотрудники и потерпевшие, привнося суету и нервозность. У начальника голова шла кругом, везде нужно было успеть и во всё вникнуть, при этом работал он без выходных и практически круглосуточно. Порою сообщения об удачных попытках самоубийства в различных частях города вызывали в нём скрытое чувство зависти: “Отмучились...” . Его заместитель, молодой лейтенант, видел всю тяжесть свалившегося на шефа груза и принимал самое активное участие в разрешении возникающих конфликтов и проблем. Знал он и о тяжёлом семейном положении майора, от которого жена ушла на днях вместе с ребёнком, не выдержав отсутствия дома мужа целыми сутками.

Каждый день в отделении был похож на предыдущий, и порою начальник с подчинённым долго и в растерянности смотрели друг на друга, силясь вспомнить текущий день недели. Так и в то хмурое утро майор справился у своего заместителя о сегодняшней дате, сорвал два листка отрывного календаря со стены, и набросал план работы на день. План этот всё равно не соблюдался, так как ежедневно возникало много оперативной работы, приходилось самому выезжать на места преступлений, но изменить себе начальник отделения не мог.

Выйдя по делам в коридор, он боковым зрением ощутил среди рыскающих посетительниц одиноко стоящую у окна фигуру девушки. Бросив взгляд на неё через плечо, он увидел ребёнка на руках, девочку, но тут его отвлек вопросом сотрудник милиции. Зайдя по пути к своему заместителю, майор рассказал ему о маме с дочкой, и попросил отвести их к нему в кабинет, “чтоб не затоптали”. Лейтенант проявил участие и выполнил просьбу майора. Уже в кабинете он спросил молодую маму: “Вы по какому вопросу, девушка?”, на что та скороговоркой выпалила, что пусть он идёт, а она подождёт начальника, и заместитель пошёл по своим делам. Начальник действительно заглянул в кабинет через пять минут, но обнаружил в нём лишь одинокую маленькую девочку в розовом комбинезоне. Удивлённо окинув глазами коридор, он крикнул лейтенанта, тот подошёл и тоже в недоумении уставился на ребёнка. “А где твоя мама?” – спросил заместитель, на что та довольно внятно и громко ответила: “Она ушла, и просила вас позаботиться обо мне!”

Майор пулей вылетел на улицу. Ни слева, ни справа женскую фигуру он не увидел, и потому бросился к первому попавшемуся прохожему:

– Девушку молодую не видели? Из отделения вышла только что!

– Нет, не видел. Ой, постойте, – окликнул он рванувшегося в сторону начальника отделения. – Вспомнил, издали видел, когда подходил сюда, вон за тот угол сворачивала! У неё ещё шаль на голове была.

“Она!” – сказал про себя майор и бросился вдогонку. Повернув за угол, он увидел спешащую к набережной реки ту самую женщину. Мгновенно раскрыв её план, милиционер, стараясь ступать по земле, чтоб не было слышно топота солдатских сапог по асфальту, побежал к девушке. Он успел схватить за плечи и повалить на землю слабое тело в самый последний момент, когда оно уже нависало над водой.

– Дура! – в сердцах закричал он, – какая же ты дура! – нервы майора не выдержали многодневной стрессовой нагрузки, и он заплакал. Плакала и мама Полины.

Глава 8. Больница.

Открыв глаза, девушка вздрогнула. Прямо ей в лицо смотрела морщинистая беззубая старуха с горбатым носом, а её седые распущенные волосы касались головы молодой мамы. В первое мгновение женщина даже приняла старуху за самую костлявую Смерть, но остальные чувства вскоре вернулись к ней – она ощутила наполненный ароматами медикаментов запах больницы, увидела пыльные белые стены и осыпающийся потолок палаты. Всё это было ей знакомо. Старуха молча удалилась и девушка приподнялась на подушке. Она лежала на одной из сотни железных коек, выставленных посреди большого зала, среди которых сновали взад-вперёд пациенты и санитары. Палата сразу напомнила ей отделение милиции, где она оставила свою дочку – та же суета, каждый второй на что-то жаловался, а кого-то вели под руки мускулистые санитары. Двое таких санитаров в запятнанных халатах стояли у дверного проёма и пристально смотрели на маму Полины. Затем они отвернулись и стали говорить между собой вполголоса, но у девушки был замечательный слух.

– Как с ней поступят? В психическую?

– Да нет, она же с язвами. Отправят в лагерь, а ребёнка в интернат. По-другому никак.

Женщина тут же вспомнила о дочке. Эта мысль просто подкинула её на койке, и перед ней появилась средних лет врач в больших роговых очках и накинутой на белый халат серой кофте.

– Всё в порядке, милочка, не беспокойтесь! Вы потеряли сознание после стресса и вас доставили по назначению, к нам, в больницу. Ваша дочь рядом, в детской палате. Я врач-психиатр, буду вас наблюдать. А сейчас я вам сделаю укол от инфекции...

Медработница достала шприц, но маму Полины, проработавшую несколько лет больнице, трудно было обмануть – никогда психиатр не будет делать уколы от инфекционных болезней. Санитары у стены, как охотничьи собаки, встали в стойку, врач сделала свой укол, и когда девушка в бессилии откинулась на подушку, повернулась к ним и посетовала:

– Десять ампул осталось... Что дальше будет, я не знаю. Хоть самой тут ложись. А они всё прибывают и прибывают...

Психиатр со вздохом покинула койку девушки и направилась дальше в обход. Больная оставалась лежать неподвижно и в беспомощности, когда высокий темноволосый мужчина с проседью на висках и в медицинском халате наклонился над её головой и долго, пристально всматривался куда-то между глаз. Вскоре он отошёл от неё, побродил среди остальных коек, как будто размышляя о чём-то, а затем направился в другие палаты. Никто из персонала не обращался к нему и ни разу не посмотрел в его сторону.

В эти дни разделение клиники на отделения было весьма условным. В переполненной больнице вместе лежали инфекционники всех мастей, ожоговые, с переломами и даже психические – те, кто поспокойнее. Заполнены были и коридоры. Медперсонала не хватало катастрофически, бесконечно переселяться больные отказывались, и потому на освободившуюся койку клали первого прибывшего. Всем уже было наплевать – и пациентам, и санитарам, и врачам. Язвами и волосатостью трудно было кого удивить, и только когда больной начинал себя вести вконец неадекватно, его направляли в тюремный лагерь. Ну, кто-то ещё успевал и умирать – так освобождались драгоценные койко-места.

Мама Полины проснулась среди ночи в обильном поту – её лихорадило и мучила жажда. Однако всплывшая в голове фраза врача: “Ваша дочка рядом, в детской палате...” – почти вернула её к жизни. Оглянувшись в полумраке ночных светильников, она осторожно слезла с кровати и, пригибаясь, стала пробираться среди коек ко второй двери, у которой не было санитаря – она наверняка вела в другую палату. Шума от неё всё-равно не было бы слышно

из-за периодически раздававшихся с разных сторон стонов, вздохов и тяжёлых переворачиваний, но девушка старалась соблюдать тишину. Дежурная медсестра в забытьи склонилась над столом у выхода в коридор, и мама смогла незаметно проникнуть в соседнее помещение. Оно действительно оказалось детской палатой – небольшой и сравнительно уютной. Здесь стояла совсем другая атмосфера, царил свой мирок – маленькие нежные тела под цветными одеялами в миниатюрных кроватках сопели тихо и мирно, не тревожа друг друга, а мягкий лунный свет из окна создавал почти идиллическую картину. Прислушавшись к своему материнскому инстинкту, девушка направилась в дальний тёмный угол комнаты, мимо спящей прямо на полу медсестры, и почти достигла цели, когда неожиданно за её спиной раздался шум, и она резко присела. “Мама!” – сквозь сон захныкала Полина, и у той сжалось в комок сердце. Она чуть не бросилась к своему ребёнку, но вовремя сдержалась. Над её головой нависла чья-то тень, девушка посмотрела через плечо наверх и...

Увидела уже знакомое морщинистое лицо старухи, которая несколько часов назад будила её к жизни, но напонила о Смерти. На этот раз появились скрученные руки пожилой женщины, она шарила ими впереди себя по воздуху в поисках опоры.

– Опять вы, бабушка, не спите! – раздался громкий шёпот за её спиной, – ну зачем ходить по палатам, сядьте, посидите!

Очнувшаяся медсестра поднялась с пола, взяла старуху за плечи и повернула к себе.

– Я есть хочу, дочка! – тихо и жалобно простонала бабушка.

– Идите к себе, я сейчас чаю принесу, – медсестра всхлипнула и повела ночную странницу обратно в палату.

Когда обе они исчезли в проёме двери, мама разбудила Полину, приложив палец к губам, взяла её на руки и на цыпочках быстро пошла к выходу в коридор. Старушка с медсестрой скрылись в глубине большого зала, санитарка у большой входной двери по-прежнему спала за своим столом, и наши героини, пройдя по длинному больничному пеналу между расставленных коек, быстро оказались возле лестничной площадки. Девушка по пути взяла какие-то вещи с вешалок между кроватями, одела пальто на себя и обернула девочку, возле выхода залезла в чьи-то резиновые сапоги и стремглав, не держась за перила, бросилась вниз по лестнице. Боковым зрением она заметила, что какая-то тень с верхнего марша скользнула за ней, но потом девушка смотрела только вперёд. Выбежав через запасной ход на улицу, она услышала суматоху в покинутом здании, зажёгся свет, раздался топот на лестнице и забегали на втором этаже люди. Девушка бросилась через пустынную улицу, перебежала дорогу и быстро скрылась в подворотне. Миновав двор, она краем глаза опять почувствовала чью-то тень за спиной, обернулась, но погони не было. Не удивительно – кому это сейчас было надо? Разве что хозяевам похищенных второпях одежды и сапог, но они им наверняка уже не пригодятся. Безжалостная инфекция пожирала всё на своём пути и не было от неё никакого спасения. Мама и Полина спокойно направились домой.

Так все попытки девушки расстаться со своей дочкой ни к чему не привели, и она дала себе последнее обещание больше не заниматься такими глупостями.

Глава 9. В дверь постучали.

Спустившись с багром на улицу, женщина осмотрелась. Другого инструмента у неё не было и, не смотря на то, что передвигающаяся по городу живая скульптурная композиция “Девушка с багром” выглядела слишком приметно, она двинулась к своей цели. Пройдя несколько кварталов, мама Полины свернула в проходной двор, затем спустилась в овраг, пересекла железнодорожные пути и скрылась в кустах. За кустами был забор из металлической сетки, который ограждал заднюю стену продовольственного склада. Привычно откопав нижний край оторванной сетки, девушка задрала её повыше, сунула в дыру багор и отвела им в сторону одну из подгнивших снизу досок. Затем она просунула багор дальше и попыталась им что-нибудь зацепить. Прошлые два раза были удачными, ей удалось так разорвать пару коробок и вытащить несколько банок мясных и рыбных консервов. Что-то они с Полиной съели, что-то она обменяла на рынке на молочные продукты – они девочке были больше необходимы. У девушки даже появился стимул к жизни. Но сегодня получалось плохо. Она перевела дыхание – в толстом ватнике, сковывающем движения, особо не подвигаешься. Сунув багор в очередной раз, она наконец подцепила улов, как вдруг услышала громкий крик по ту сторону забора:

– А ну, стой! Стоять, кому я сказал!

Опешив от неожиданности, через несколько секунд мама увидела перед собой знакомое лицо лейтенанта – заместителя начальника городского отделения милиции.

– Ах, это ты?!

Девушка рванула назад. Бросив багор, расстегнув фуфайку, она перепрыгивала рельсы как заправская спортсменка, выбиралась из оврага лучше скалолазки, и бежала через кварталы быстрее африканского спринтера. В больницу она больше не хотела. Но больше всего на свете она не хотела снова потерять свою девочку.

Лейтенант молча сидел у металлической сетки и даже не пытался броситься в погоню. Во-первых, огибать забор было слишком долго и утомительно. А во-вторых... зачем он вообще её спугнул? Глупо. Можно было не спеша обойти сзади, застать её с поличным и с гордостью доложить начальнику о выполнении задания – поимке складского вора. А там, смотришь, и до его должности рукой подать было. Оставалось только выжить.

Закрыв за собой дверь квартиры, мама Полины без сил опустилась на пол. Сама девочка, присев на кровать, молча наблюдала за ней, пока тихо не произнесла:

– Мама, а где багор?

Девушка подняла на дочку уставшие глаза и Полина немного испугалась – они были мутные. Казалось, мать девочки ничего не видит перед собой и вообще плохо соображает. Так прошло несколько минут, пока наконец она не стала приходить в себя. С удивлением оглянувшись, девушка с трудом поднялась на ноги и спросила у дочери:

– Когда я пришла?

– Только что.

– Хорошо...

Мама девочки вспомнила, что с ней произошло, в голове у неё зашумело, забилось сердце. Всё смешалось – больничная палата с мрачными санитарями и морщинистое лицо старухи у неё над головой, кровавый нож старика, холодные рельсы, плачущий начальник милиции и хватающий за багор лейтенант. И бинты. Кровавые бинты, которые она втайне от ребёнка меняла днём в укромном месте, чтобы не напугать Полину своей болезнью. Наступала безысходность. Надежды на вакцину уже не было, а силы были на исходе.

– Мама, а ты больше никуда не уйдёшь?

– Нет, дочка.

– Ура! А когда мы будем играть?

Мысли девушки перестали бурлить и пениться, перешли в плавное течение и сердцебиение успокоилось.

– Мама хочет отдохнуть, Поля. Давай через час? Ты поела?

– Да, мама, я поела! Ложись спать!

Мама переделась и проспала до самого вечера. Она проснулась, когда за окном уже начало темнеть и комната стала погружаться во мрак. Полина сидела за кухонным столом и выводила на мятых листах бумаги цветными карандашами весёлые каракули. Девушка зажгла керосиновую лампу.

– Мама, ты отдохнула?

– Да, дочка. Кушать хочешь?

– Нет, я печенье с молоком пила!

– Ну, хорошо.

– Мы играть будем?

– Нет, уже темнеет, теперь твоя очередь спать, а я тебя сторожить буду. Договорились?

– Да! А потом я тебя!

– Хорошо! – засмеялась мама и расстелила детскую кроватку. Она уложила дочку, поцеловала её, села за стол и впервые за этот день что-то поела. Дурные мысли уже не посещали её голову, она выпалась и, укутавшись, просто сидела перед керосиновой лампой, смотрела на танцующее пламя и вспоминала свою молодость. Так прошло несколько часов. Решив прилечь сама, девушка расправила матрац на полу, поправила покрывало, которое заменяло ей простынь, и присела на него перед тем, как затушить керосинку, чтобы последний раз в этот день взглянуть на детское личико.

В дверь постучали.

Глава 10. Инспектор.

Мама Полины насторожилась.

– Кто там?

– Здравствуйте, откройте. Я социальный инспектор, обхожу все квартиры, у меня важное сообщение. И ещё вы должны поставить подпись.

Голос мужчины был приятный, спокойный и какой-то будничным, жизненный. Как будто из того, старого мира... который уже начал забываться.

Скрипнул железный засов и девушка впустила незнакомца. Им оказался высокий мужчина лет сорока со слегка впалыми щеками и глубоко посаженными глазами, тёмной короткой стрижкой и подёрнутыми первой сединой висками. Он вежливо приподнял шляпу, поклонился, распахнул чёрный плащ, достал из внутреннего кармана несколько бумаг и вежливо посмотрел в сторону кухонного стола. Женщина пригласила его сесть.

Инспектор достал из того же кармана шариковую ручку и стал перелистывать свои бумаги.

– А, вот, – продолжил он, разгладил необходимый листок, и зачитал:

– Громова Екатерина Андреевна, 1973 года рождения, разведена, образование высшее медицинское, дочь Громова Полина Сергеевна, 1995 года рождения... Это вы?

– Да, это я, – немного взволнованно ответила девушка, посмотрела на дочку и продолжила:

– Мы.

– Ну и отлично. Вот здесь распишитесь... Хорошо.

– А что случилось?

– Вакцина! Они всё-таки её нашли. Вам предстоит явиться в шестой лечебный инфекционный лагерь, там в седьмой палате вам сделают уколы, после чего направят в соседний город на обследование и временное проживание. Ничего страшного, скоро вас отпустят, когда очистят город, и вы сможете вернуться к жизни. Вместе с дочкой. Это её рисунки?

Катерина сидела неподвижно, глядя в одну точку на столе, не до конца осознавая происходящее.

– А? Да... её рисунки...

– Замечательные рисунки, – почему-то голос инспектора стал задумчивым, и последние слова он медленно повторил по слогам:

– За-ме-ча-тель-ны-е рисунки... Можно посмотреть?

Девушка всё ещё сидела неподвижно, силясь до конца вникнуть в полученную информацию, и мужчина придвинул к себе исчерканные Полиной листы бумаги.

Он несколько минут рассматривал их молча, затем встал, подошёл к детской кровати, присел возле неё и надолго усталый взгляд на девочку.

“Всё кончилось!” – мысли молодой мамы неслись вспять, – “Не будет больше холодного тумана, мрачных кварталов, шатающихся волосатых животных, морщинистых старух, милицейских погонь, осыпающихся потолков больницы и спящих медсестёр... Всему этому конец! Навсегда!”

Инспектор поднял голову, встал, внимательно посмотрел на девушку и подошёл к ней.

– Позвольте, что это у вас...

Катерина посмотрела сначала на незнакомца, а затем на свои руки, которыми в раздумьях, сидя за столом, обхватила голову. Руки были перевязаны окровавленными бинтами, которые девушке просто некогда было сменить днём – она легла спать прямо в них от усталости.

– Это язвы? – голос Инспектора изобразил удивление.

– А... да. Немного. Они не беспокоят. Теперь их вылечат.

– Хм.

Катерина удивлённо посмотрела на мужчину.

– Что?

– Разве я не сказал? Вакцина. Она предназначена только для здоровых людей, заражённых она вылечить не может. Она только предотвращает заболевание.

Девушка побледнела. Инспектор снова посмотрел на детскую кроватку.

– Видимо, вашу дочку тоже сначала надо обследовать. Наверняка инфекция перенеслась и на неё. Как долго вы болеете?

– Что с нами будет?

– Лично вас поселят в изоляционном лагере. Дочь заберём в любом случае, а там видно будет.

Катерина соскользнула со стула и осела на пол: “Да. Действительно. Всё закончено”. Её мутило. Столь резкие перепады эмоций не под силу были ослабленному организму. Голова кружилась, она начала терять сознание... и растянулась на полу.

Очнувшись, девушка медленно поднялась, села на стул и посмотрела вокруг – чёткая картинка перед её взором никак не могла сформироваться. На что бы она не обратила внимание – оно тут же норовило изменить свою форму. Заварочный чайник на столе долго раздумывал, какая форма носика ему больше подойдёт в этот поздний час. Стопка маленьких блюдец постоянно меняла их количество – то ей достаточно было трёх штук, то вдруг их становилось пять, а то и вовсе десять. А, нет, всё-таки три... Сахарница с красивым крупным алым цветком на боку почему-то переделась и стала кружкой сразу с двумя ручками, и цветков тоже стало два, только уже синих не таких красивых. Катерина постаралась сконцентрироваться и пристально всмотрелась в сахарницу, поскольку её трансформация была уж совсем необычной. Да, так и есть, вот одна ручка, вот вторая. Это кружка. Картина уже не расплывалась, очертания предметов приняли какой-то свой осмысленный вид, но сама девушка чувствовала себя как во сне. Но разве во сне можно знать, что ты спишь? Такого с ней никогда не было. Она протёрла глаза, несколько раз закрыла их и открыла. “Сплю ли я?” – задала себе вопрос молодая мама. О, всё. Сахарница встала на место. Блюдец было три, носик у чайника был привычный и родной. Но внимание Катерины привлёк небольшой розовый слоник, стоящий справа на краю стола, шевелящий ушами и внимательно разглядывающий хозяйку квартиры. Странно, раньше девушка его не замечала, ведь она столько лет жила в этом доме... Наверное, потому, что он маленький и жил под плинтусом, а сейчас вылез оттуда. Ну и ладно. Один из листков бумаги, на которых рисовала цветными карандашами Полина, приподнялся и из под него выполз такой же миниатюрный синий крокодилчик. Они обменялись со слоником взглядами и слоник вежливо обратился к маме девочки:

– Ты что, нас раньше не видела?

– Не-е-ет... – помотала головой Катерина, – точно не видела!

– Ну как же, вспомни! Нас же рисовала Полина! Ты столько раз нас подолгу разглядывала!

Девушка опешила. Рисунки дочки мало походили на двух этих милых животных и на вон ту зелёную птичку рядом с ними тоже.

– А, ну да... конечно... сейчас узнала. Просто у меня очень кружится голова. Я не понимаю, что со мной...

– Это от шока, я должен перед вами извиниться, – мужской голос за спиной стал для неё явной неожиданностью.

Катерина обернулась и вспомнила об Инспекторе, который совсем недавно постучался в её квартиру. Вспомнила она и обо всём, что он ей рассказал – о вакцине, о лагере... и о Полине. Полина не может быть больше с ней и тоже вероятно заражена.

Крокодилчик испуганно забрался обратно под листок, слоник медленно перешёл на сторону сахарницы, а птичка вспорхнула в воздух и улетела в сторону балкона. Инспектор проводил её взглядом.

– Пожалуй, открою, а то разобьётся о стекло, – незнакомец встал, подошёл к балконной двери и открыл её. Но птичка не вылетела на улицу, а мягко приземлилась на подоконник и невозмутимо стала чистить себе пёрышки.

– Какие славные рисунки у вашей девочки! Правда?

– Правда... Инспектор! Скажите, что же мне теперь делать? Почему я такая несчастная? За что мне всё это, разве я заслужила?

Мужчина поморщился. Этого он не любил.

– А чем вы такая особенная? – Инспектор наклонился к девушке и пристально посмотрел в её растерянные зелёные глаза, – да вас миллионы! Миллионы жалующихся, просящих, умоляющих, требующих, взывающих к “справедливости”. Да какое вы понятие все имеете о справедливости? Какой мерой вы отмеряете долги, сравниваете, оцениваете себя, других людей и происходящие события? Вот почему именно так, а не по-другому? Я вам открою секрет. Вы – иждивенцы! Вам всё дали, вас содержат, учат, помогают, вознаграждают, а вы ничего не хотите давать в ответ. Каждый день вам дарят уйму ценной информации, практических и теоретических уроков – так вы даже брать их не хотите! Мало того, просите, молитесь, вам дают, а вы отвергаете: “Нет, я совсем не это просила! Дайте мне лучше вот то!” Право же, я больше люблю собак.

Катерина посмотрела на незнакомца удивлёнными глазами. Статный серьёзный мужчина, которому она открывала дверь, совершенно преобразился. Ей в лицо смотрела быкообразная голова с налитыми красными глазами и едва улавливаемыми размытыми человеческими чертами. На теле инспектора, увеличившимся во все стороны, был надет потёртый кожаный камзол, а подпоясывавший его широкий ремень имел огромную золотую пряжку с изображением перевернутой пятиконечной звезды. С ремня свисала длинная старинная шпага с витой позолоченной рукоятью и острым набалдашником в виде хвоста гремучей змеи. За спиной Инспектора вздымался короткий чёрный плащ, подбитый красным бархатом. Девушка удивилась, как она сразу не заметила у ночного посетителя ни шпагу, ни плащ, но в тоже время Катерину постоянно преследовало неотступное чувство, что именно так всё и должно было быть, потому что уже было.

– У меня что, совсем нет шансов выжить?

– Решайте сами. В лепрозории тоже люди живут, – усмехнулся Инспектор.

Девушка встала. От балконной двери дуло ночной прохладой, и ей захотелось глотнуть свежего воздуха. Направившись к балкону, она взглянула на детскую кроватку. Полина была крепко укутана и сладко спала, вот только... Тут маме стало совсем плохо. Из под маленького жёлтого одеяльца свисала не тонкая и нежная ручонка маленькой девочки, а какая-то мохнатая обезьянья лапка со скрюченными пальцами. “Всё! И Полине конец!” – подумала она.

– Идите сюда, – позвал мужчина Катерину к открытому балкону, – смотрите!

Она вышла вместе с Инспектором на балкон и посмотрела туда, куда он показывал. Вниз.

– Тот, кто дал вам жизнь, дал вам и возможность выбора. Это ваше право, и никто не в силах у вас его отнять. Даже Он. Решайте сами, есть ли смысл тянуть дальше своё жалкое существование, или.... Или начать всё заново.

На асфальте играли отблески керосиновых огней с нижних этажей, приводя его в сказочное движение, и казалось, что он манит девушку к себе, обещая покой и награду. Тут же внизу образовался огненный водоворот, закружился, создав глубокую тёмную воронку, и Катерину потянуло вниз.

– А как же Полина? – спросила она, опомнившись, Инспектора, и, слегка отстранив того, вошла обратно в комнату. Девочка по-прежнему беззаботно спала, засунув волосатую ручку под одеяльце.

– Полина? О, о ней не беспокойтесь! Я обо всём позабочусь. Там, среди других детей, ей будет лучше, чем с больной матерью. Ребёнка можно вылечить, ей создадут райские условия.

“В лепрозории...” – закончила про себя Катерина и сделала выбор.

– Пожалуйста, дайте вон того мишку, это её любимая игрушка... Я положу его к ней в кроватку. Так ей будет спокойнее.

Незнакомец бросил взгляд на белого плюшевого медвежонка, мирно дремавшего на детской табуретке возле кухонного стола, подошёл к нему, взял на руки и весело потрепал по голове. Медведь поднял голову, внимательно посмотрел на инспектора и недовольно фыркнул.

Пора. Катерина сделала всё за несколько секунд.

Кинувшись к кроватке, мама схватила в охапку дочку вместе с одеялом и стремглав бросилась на балкон. Воронка внизу на асфальте приняла уже просто чудовищные размеры. Стоящие по обочине дороги деревья наклонились в её сторону и, срывая листья, стали рваться с корнями наружу. С крыши над головой девушки сорвался лист железа и, громыхая и крутясь, скрылся в водовороте бездны. Туда же отправился, вопя благим матом, и чёрный соседский кот, неудачно пробегавший по тротуару мимо своего дома.

– Стой!!! – что есть силы закричал “инспектор” во всю свою бычью глотку, но Катерина знала, что если она остановится, то будет уже поздно. Закрыв глаза, она ещё крепче прижала к себе спящую Полину и перевалилась через перила.

Громыхая шпагой и отбросив в сторону недовольного медвежонка, незнакомец бросился к балкону и протянул руки вниз, но не успел. Мама с девочкой скрылись в тёмной воронке и та жадно захлопнула свою пасть, проглотив добычу, и “исподлобья” взглянула на своего хозяина. Медленно выпрямившись, Инспектор захрипел. Он вышел из Сновидения. Внизу на грязном асфальте у края мощёного тротуара лежали двое – отчаявшаяся, потерявшая веру молодая женщина и её маленькая дочь, невинный ребёнок, завёрнутый в жёлтое детское одеяло. Стали подбегать люди, начались пересуды, и ночной посетитель предпочёл скрыться. Ничего уже нельзя было изменить – Катерина и Полина погибли. Обе.

Глава 11. Преисподняя.

Демон шёл по крутому спуску не спеша, глядя под ноги, но при этом взгляд его был туманен, а мысли рассеяны. Он пытался отбить у себя первые же вспышки глупой тоски из-за произошедшего, но воспоминания просачивались в его сознание как сквозь решето, и нужно было срочно что-то с этим делать.

Та девочка была видящей, таких детей среди людей называли индиго. Конечно, сама она не понимала этого, но, прожив ещё пару лет, Полина начала бы сильно отличаться от сверстников. Она рисовала то, что никто не видел, жила в нескольких реальностях во время сна, никогда не страдала от одиночества и уже в свои пять лет всегда на всё имела своё мнение.

Демону очень нравились такие люди. Они не были послушной массой, стадом, не теряли своё Я, поддаваясь эффекту толпы, их действия были продиктованы высокой интуицией, интеллектом, особым состоянием энергетики и духа, а также налаженной связью с Тонким Миром. Эти люди могли со временем изменить свой мир, сделав его более сбалансированным, без перегибов как в светлую, так и в тёмную стороны. И демону это было интересно.

Он был очень расстроен тем, что безумная мама схватила с собой ребёнка, лишив того бесценного опыта и оборвав настроенную линию жизни. Демон видел, как могла развиваться Полина, видел её проект, возможные реализации, ключевые точки... И вместе с тем он понимал, что в этом происшествии есть и его вина. В погоне за очередной падшей душой, совратить которую не составило ни малейшего для него труда, он упустил немаловажный фактор – прогрессирующую болезнь матери, которая уже задела её головной мозг. Он слишком был увлечён и потерял бдительность.

И с этим надо было теперь что-то делать. Тропинка подходила к концу, уже показался за поворотом величественный грот в подземной скале, в котором красовался огромный стометровый замок из чёрного и зелёного мрамора – одна из последних резиденций Верховного, на его взгляд самая удачная. Свита мелких бесов, мельтешащая за Демоном от самых Нечестивых Ворот, в конце тропы высыпала на плато и бросилась наперегонки к гранитному мосту, чтобы известить Стражей о прибытии самого Вилиала. Те почтительно расступились перед высоким гостем и он всё так же задумчиво проследовал во дворец.

Последующие несколько дней в земном исчислении были заполнены текущей рутинной – отчётностью, планированием, сведением и проектированием. Разница светлых и тёмных потенциалов в этом столетии зашкаливала, это требовало вдумчивого анализа и на его основе составления Векового Доклада. На словах он конечно давал Верховному подробную интерпретацию, благо беседовали они часто, но Доклад есть Доклад – это основа, вокруг которой строится вся Система.

Разделавшись с рутинной, Демон выделил свободное время для осмотра нескольких уровней Преисподней. Он любил прохаживаться по территории, раздавая пинки налево и направо, покрывая руганью чертей да бесов, наставляя мелких демонов и выказывая всем свой необычайно высокий уровень Знания, Опыта, Порядка и Хаоса. Он заглядывал даже в Пристанища Падших Душ, не брезговал, и тем самым ещё больше заставлял восхищаться собой прислужников Ада.

Вот и теперь, расхаживая по Пристани Отчаяния, он исправлял постоянные недочёты своими руками – ну кто ещё может сделать лучше него – сразу, как надо, а не через тяп-ляп. “Всё приходится делать самому...” – размышлял он.

Котлован кишел кишмя. Внизу, под Пристанью, простиралось целое море, нет – океан человеческих душ, падших в своём отчаянии, унынии, тревоге и печали аж до самых глубин ада. Да, такое надо уметь, так себя испоганить. Безверие, угасание любви, потеря надежды –

что может быть прекрасней такой лакомой добычи! Демон любил свою стезю. Весь этот океан упадка духа был его работой, работой его отдела. Перед ним был результат – самое важное в любой работе. И этот результат ему нравился. Но не сейчас. Сейчас он стремительно летел над самой гущей людских отбросов, выискивая среди них ту душу, ради которой сюда явился. Наконец, впереди его сверкнул маячок, и Демон замедлил свой полёт. Зависнув над бурлящим грязным месивом, он взмахнул своим огромным плащом и под ним образовался пустой, чистый от тянущих липких сгустков круг, в который он и приземлился.

Вилиал смотрел прямо перед собой. Это была она. Катерина, мать Полины, стояла перед ним обнажённая и, расставив руки, покачивалась из стороны в сторону. Окружавшие её души грешников отступили и смолкли.

- Отпусти свою дочь. Ты ей не хозяйка более.
- Инспектор... Как я была глупа! Если бы я узнала вас сразу!
- Я не собираюсь тебя выслушивать!

Демон достал свою прославленную в веках длинную шпагу с витой позолоченной рукоятью и направил клинок в грудь девушки. Её лицо исказилось гримасой, обнажив через бледные треснутые губы жёлтые зубы и чёрный язык. Зрелище было не из приятных даже для Вилиала. Сопrotивляться Катерина не могла. Она наклонила голову, свела руки на груди и, разрывая её в клочья, достала из себя то, что скрывала там – беспомощное, бессознательное тело своей дочери. Она протянула его, по-прежнему гримасничая, Демону, тот опустил шпагу, снял плащ и завернул в него Полину. Тело девочки было покрыто слизью и плесенью, глаза провалились, волосы поседел и поредели, на руках и ногах расплылись синие пятна. Вилиал отступил на несколько шагов, развернулся и снова поднялся в воздух. Круг под ним сомкнулся, души снова схлестнулись в единый океан, поглотили Катерину, раздался страшный рёв отчаяния и боли, и Демон покинул их Пристанище. Стоны и раздражающие вопли остались наедине с собой – таков был их удел, который они для себя избрали. Вилиалу нужно было срочно принять холодный душ, но сначала он должен был закончить. Его ждали.

О чём вообще могут разговаривать два природных и социальных антагониста, два хищника возле неподеленной добычи, антибиотик и бактерия в борьбе за человеческую клетку, две разнонаправленные силы, приложенных к испытываемому телу? Ну, примерно о том же, о чём разговаривали Демон и Архангел на конспиративной встрече, устроенной по просьбе одного из них на нейтральной территории – под сводом высочайшего горного водопада Анхель, берущего начало на плате Горы Дьявола в Венесуэле.

- Зачем ты припёрся сюда, Демон?
- Вежливые Ангелы перестают жевать, когда разговаривают.
- Я что, звал тебя? Катись в Преисподнюю.
- Ты умолял меня, я сжалился.
- У тебя завышенные подростковые амбиции, но я милостив к низшим животным организмам.

Обменявшись таким образом приветственными любезностями, два высоких представителя Света и Тьмы перешли к делу. Вилиал решился на отважный и сумасбродный поступок – он освободил душу невинной девочки из Преисподней и передаёт её Небесному Царству. Всё, что он хочет в ответ – это предоставить возможность Полине вернуться на Землю вновь, но при этом сам Демон волен посещать её на Земле в любое удобное для него время, и никто из Армии Света не вправе ему препятствовать. Архангел, а им был Рафаил, поинтересовался первопричиной рискованных действий Демона, а также потребовал назвать конечную цель его замысла. Вилиал долго смеялся, а потом хватался за бок, ссылаясь на фантомные боли в животе. Наконец он заявил, что помыслы его чисты и невинны, прозрачны и безгрешны, после чего уже хватался за живот Рафаил, заглушая смехом ниспадающие с каменных уступов водные потоки.

На том и порешили.

Глава 12. Сатана.

Верховный был разъярён, взбешён, рвал в неистовстве занавеси и метал в бледную прислугу черепа и кубки.

– Ты!!!

Глаза его вылезли из орбит, лицо, представлявшее фантасмагорическую компиляцию козлиной и человеческой сути, переливалось красно-синими оттенками, ноги в высоких красных ботфортах были широко расставлены на хрустальном покрытии зала, а сухое и жилистое тело в обтягивающем буром камзоле наклонено вперёд в порыве ярости и гнева.

– Ты!!! Ты возомнил себя здесь, в Обители Зла, Господом Богом, вершащим суд и справедливость, раздающим пряники и сулящим избавление! От тебя?! От тебя я должен был ожидать такое, ответь мне, бес?!

Вилиалу было плохо. Очень плохо. Он только сейчас начинал понимать, какое преступление совершил в том беспамятстве, в которое его ввергло слепое и безумное человеческое чувство – вирус непреодолимой тяги к Полине, подхваченный на поверхности и занесённый им в святая святых Преисподней.

– Верховный... князь мой... виновен бесконечно я и готов понести любую кару от руки твоей... – шептал через сдавленное горло Демон, не в силах поднять от стыда глаза на Хозяина.

– Кару-у-у-у!!! Какую кару могу дать тебе Я?! Да нет такой кары, не было и не будет никогда! Твой грех сверх любой кары, ты предал Систему, её Суть, её Закон, ты предал меня!

Сатана стоял как вкопанный и не сводил испепеляющего взгляда со своего самого верного слуги, верного помощника и друга, который в одночасье стал предателем и изгоем. И это случилось здесь, в его замке, в Обители Тьмы, а не на грешной поверхности среди мерзких душ двуногих хищников, где измены и предательство были нормой постыдного существования.

В какой-то миг тело Верховного ослабло, он сжался, опустил голову, шатаясь отошёл к своему трону и повалился в него, закрыв от усталости красные глаза. Молчание длилось долго и было нестерпимо больнее для Вилиала, чем недавний гнев Повелителя. Он безмолвно рыдал, погружённый в тягость своего проступка, и готов был провалиться под Землю, если бы только это было возможно... проваливаться ниже было просто некуда.

– Ты покидаешь нас, – не открывая глаз и не меняя позы огласил приговор Верховный, – ты отправляешься на поверхность, ибо там твой удел. Ты принял людскую карму вместе с их человеческим чувством. Там ты умрёшь и вернёшься сюда влачить своё жалкое существование вместе с теми грешниками, коих теперь боготворишь. Для меня тебя больше нет. Прочь.

Страшнее и безжалостнее наказания нельзя было придумать для любого из Царства Тьмы, а уж для одного из Высших Демонов... оно было по сути ликвидацией сущности, стиранием из матрицы, пропаданием в Ничто. Вилиал как подкошенный упал на колени и склонился перед Верховным.

– Я служил тебе верой и правдой сотни веков. Я наполнил Ад миллионами душ, дающих огонь Преисподней. Я противостоял Армии Света в тысячах сражений, отстаивая твоё право и твою власть. Я безмерно каюсь пред тобой в постыдной человеческой любви, коей замарал свою веру и покорность Истинному Богу. Молю лишь об одном – дай мне возможность искупить свою вину. Не будет никогда и никого у тебя преданнее меня, мы оба знаем это. Я выполню всё, что ты прикажешь...

Молчание длилось бесконечно долго. Казалось, Вселенная успела разрушиться и возродиться заново, когда Верховный наконец медленно и глубоко вобрал ноздрями воздух и резко выдохнул его обратно.

– Да будет так, Демон. Не дай возгореться Благодатному Огню в Храме Гроба Господня перед ближайшей Пасхой. Собери души грешников, падших пред тобой, их числом должна быть чёртова дюжина. Ими ты запечатаешь вход в часовню и пещеру с Гробом, дабы не распространять Свет в Великую Субботу. Тогда я буду готов вернуть тебя в своё воинство рядовым бесом. Ступай прочь.

Глава 13. Полина.

С самого начала её одолевало нехорошее предчувствие. Это задание должно было закончиться чем-то фатальным, судьбоносным, но чем? Та фотография, что ей показали, всё ещё стояла у неё в памяти. И вроде ничего особенного... Хмурый, худощавый, высокого роста мужчина с проникновенным взглядом. Подёрнутые проседью виски, тёмные волосы, слегка впалые карие глаза... Что-то было в его взгляде. То, что заставляло сжиматься и замирать всё внутри. Посмотрев в его глаза первый раз, она быстро отвела свой взор, переключившись на другие черты лица. Это не было каким-то дежа-вю, она осознавала, что видела это лицо впервые, но... волна непреодолимых предчувствий стала подступать к её сознанию.

Странно это было: Полина совершенно не помнила свои первые годы в Поднебесье, они были скрыты пеленой, о которой старшие ангелы отзывались неохотно и уклончиво. Всё сводилось к тому, что память девушки пострадала при катаклизме, пришедшемся на Глобальную битву с Тёмной стороной, и её пришлось посылать на переинкубацию. Так и получилось, что детства у Полины вообще не было – её создали сразу взрослой девушкой-ангелом, поскольку была особая срочность и на то имелась Высочайшая воля и намерение Создателя. Ходили слухи, что вскоре её ожидала высокая миссия. Полину это пугало...

Вызвали её неожиданно, оторвав от текущих канцелярских дел, и во взглядах сопровождавших читался неподдельный интерес к её особе. Казалось, даже встречные ангелы останавливали на ней свой взгляд и провожали взором, пока она шла по длинному коридору Небесной Канцелярии. В воздухе висело напряжение. Всю дорогу конвой не промолвил ни слова, а задавать какие-либо вопросы было бесполезно. Каменные, будто выдолбленные из белого мрамора лица стражей являли собой полную неподкупность и стремление к беспрекословному выполнению важного поручения. Полину чинно ввели в Серебряный Кабинет, где повернувшиеся к ней высокопоставленные особы обдали девушку своей важностью и значимостью. Она немного опешила. Зачем столь серьёзные лица захотели видеть её, рядового ангела-делопроизводителя? Замешательство девушки заставило присутствующих улыбнуться. Но важность момента вскоре взяла своё, благородное собрание насупило брови и приступило к изложению дела.

Полина скромно сидела, сжав колени, опустив голову и смотрела в одну точку... На стеклянном полу, под которым белой пеной клубились на солнце кучевые облака, возле аккуратных носочков её хрустальных туфелек лежало выпавшее у случайного ангела рябое пёрышко. Одно. Никого рядом. Беспомощное и беззащитное. Полина чувствовала себя этим самым пёрышком, и ей хотелось плакать.

Архангелы дали ей задание. Нет, не поручение, а именно задание, которое необходимо было выполнить любой ценой. Полина прекрасно понимала всю важность происходящего и постепенно в ней стало просыпаться новое, незнакомое до этого времени чувство. От её действий зависела судьба многих людей, а может и поколений... В конечном итоге, если разобратся, от поведения, решительности и самоотверженности Полины могла зависеть судьба человечества. Вот так неожиданно, как гром среди ясного неба, на неё свалилась миссия, важность которой трудно было переоценить. Почему выбора удостоилась именно она? По-видимому, это было predetermined, предназначено, но никто не говорил, где и когда. Просто все откуда-то знали, что остановить Его сможет только Она.

Благородное собрание постаралось кратко, но доходчиво объяснить молодому ангелу всё, что от неё требовалось. Сложившаяся ситуация была очень серьёзной, Полина это поняла сразу, и вопросов не задавала. Из Тёмной Стороны дошли вести, что на Землю был послан сильно провинившийся перед Сатаной демон, целью которого было сотворить что-то неопи-
сываемое.

емое. Демон этот люто ненавидел людской род, ставший причиной его изгнания, и ни перед чем не собирался останавливаться, чтобы вернуться обратно. Ей обещали оперативно передавать всю появляющуюся информацию, но действовать необходимо было начинать прямо сейчас. По предварительным данным, он направлялся в Иерусалим, и должен был появиться там в преддверии празднования Пасхи. Задачей Полины было перехватить демона, вычислить его среди тысяч людей, выяснить намерения и предотвратить несчастье. Она только не могла понять, откуда у архангелов могла взяться та фотография, на которой был изображён вполне добропорядочного вида мужчина, являвшийся в действительности злым и коварным изгнанником ада. Но девушка молча приняла действительность таковой, каковой она была. Фотографию уничтожили, но в ней больше не было необходимости – образ демона навсегда врезался в её память, и она узнала бы его взгляд среди сотен похожих. У Полины не было ненависти к этому человеку, она почти не испытывала каких-либо эмоций, кроме заполнившей сознание необходимости выполнить свой долг, и этого странного предчувствия... Она боялась разобраться в себе, что же это такое. Надо было просто найти Его, и тогда всё должно было проясниться. Она боялась, но она ждала этой встречи. И она начала.

Глава 14. Дитрих.

Спустившись с холма, незнакомец некоторое время шёл в темноте, ступая по грязной и раскатанной телегами дороге, пока не достиг деревенских домов. Свет из окон бросал на него красочные блики, перенимая эстафету у пламени пожара, и случайный прохожий мог увидеть прищуренный изучающий взгляд, пронзающий насквозь каждый дом. Наконец, Вилиал остановился возле открытой калитки и после секундной паузы вошёл во двор, посреди которого еле виднелась из под земли осевшая изба. Крыша её поросла мхом, брёвна прогнили и от окончательной смерти после наводнения дом спасла только небольшая возвышенность, на которой он был возведён.

Еле отворив размокшую дверь, Инспектор пригнулся и сумел-таки войти в это странное убежище. Посреди одинокой тёмной комнаты стояла небольшая, еле живая русская печка, на которой, видимо, и держалась вся изба. У разваленной печи чуть покосившись стояли такие же угрюмые в своём замкнутом одиночестве стол, табурет, начатая бутылка самогона, грязная стопка и банка с солёными огурцами. Друг с другом они не разговаривали, и всё их внимание было обращено на хозяина дома, который сидел на стуле в меховой шапке с закрытыми глазами и подпирал заросший подбородок мясистыми пальцами волосатой руки. Черты лица у него были простые, мужицкие, крупные и смуглые, какие бывают обычно у людей, родившихся в глухих деревнях и проведших там всю тяжёлую жизнь. При шуме от непрошеного гостя Фёдор неспешно приподнял сначала одно веко, потом другое, потом убрал с подбородка руку и скрестил её на груди с другой рукой, слегка откинувшись на скрипнувшем стуле.

– Чем обязаны поздним посещением, милейший?

Незнакомец молча подошёл к столу, налил стопку ядовитой жидкости из бутылки и, не побрезговав, выпил её одним залпом.

– Инспектор я, – ответил чуть сбившимся дыханием Вилиал, громко выдохнул, достал из трёхлитровой банки огурец и в спешке откусил половину. – Хороша-а.

– Это имеется, – ухмыльнулся Фёдор и вежливым жестом пригласил гостя присесть на табурет. Гость таким же жестом отказался, облокотился на стену и, внимательно изучив хозяина избы своим пронизательным взглядом, задал вопрос:

– Жалобы есть?

– Да на что мне жаловаться? Живу, как у попа за пазухой...

– И что, совсем ничего не беспокоит?

– Совсем ничего!

– Счастливейший человек...

– Это точно.

Вилиал сделал паузу, во время которой собеседники не спускали друг с друга глаз.

– От чего же выпиваете?

– От счастья.

Инспектор понял, что мужик перед ним – тёртый калач, и решил подойти с другой стороны.

– На вас жалобы поступили. Пьёте беспробудно, пьяный по улицам шатаетесь и людей пугаете. Нигде не работаете, тунеядствуете, по дворам металлолом грабите и макулатуру выпрашиваете. Ответственные органы требуют разобраться в причине вашего поведения и принять меры по исправлению ситуации. Вплоть до принудительного лечения в отдалённых от цивилизованного общества местах. Продлевать будете?

– Что... продлевать? – Фёдор начал сдавать позиции.

– Пьянство своё, я спрашиваю, продлевать будете?

Мужичок молчал. Перспектива принудительного лечения его не радовала, но и сдаваться на милость победителя он не спешил.

– А что мне остаётся? Вы меня что, здесь, в деревне, работой обеспечите? А дом я свой покидать не буду, это моя родина. Разве что продам подороже. Не купите? – Фёдор ухмыльнулся.

– Что твоему дому цена, что тебе самому – ноль без палочки! Отмирающий атавизм ты, без души и совести.

– Это я-то без души? Это я-то без совести? – Ослабленный алкоголем атавизм полностью сдал свои позиции, раскрылся и получил удар по самому больному месту. Вилиал торжествовал.

– Да что ты знаешь обо мне, инспекторишка! Крыса канцелярская! Да на мне с самого начала войны рана зияет и кровоточит каждый день, тебе ли судить меня?!

– Что за рана? Почему не показываете?

– Да что я вам покажу, нелюдям?! Вы же и видеть ничего не хотите, только отчёты свои строчите, а в душу человеку заглянуть – вам не положено! А рана-то – она там! – мужик отчаянно стукнул себя по груди кулаком.

Вилиал подошёл к Фёдору, налил ему полную стопку и заставил выпить. После этого он по-дружески похлопал мужика по спине и присел на предложенный ему недавно трёхногий табурет.

– Я вам скажу, кто я на самом деле, и чем смогу помочь. Но для этого вы должны во всех деталях рассказать мне о том случае, что произошёл с вами много лет назад, и из-за которого вы столько времени пьёте. Только не спешите, важна каждая деталь, от этого зависит ваше будущее. Говорите!

Фёдор склонил над столом голову и, не поднимая её, начал:

– Шёл август 41-го года, это был второй месяц войны с Германией, войны с фашистским агрессором на территории нашей страны. Немцы продвинулись далеко вглубь, практически сметая всё на своём пути... В деревнях и сёлах после встречи с оккупантами царил страх и ужас. Мирный и размеренный образ жизни одним махом сменился каким-то Армагеддоном, происходящее многие не могли осознать до конца, не верили свои глазам и ушам, и потому гибли. Колонны танков, мотоциклов и пехоты безжалостно подминали под себя родную землю и поднимали пыль просёлочных дорог, боевые самолёты разрезали голубое небо потусторонним звериным воем, грохотали взрывы и трещала смертоносная автоматная очередь. Многие мужчины не знали, куда себя деть – то ли оставаться дома и защищать свои семьи, то ли скрываться в лесах и собираться в партизанские отряды. Бросать своих близких было нестерпимо больно, но практически всех найденных мужчин фашисты тогда расстреливали на месте, и потому большинство предпочитало крепко обнять свою семью, а затем пообещать непременно вернуться и освободить их от ненавистного гнёта.

В тот день в нашу смоленскую деревню вошёл полк гитлеровцев и расквартировался в тех домах, которые остались целы после его акции устрашения. Половина жилищ была практически уничтожена гранатами, которые немцы кидали прямо в раскрытые окна то ли из-за страха, то ли из-за желания навести ужас на оставшихся в живых стариков, детей и женщин. Чуть на отшибе стоял дом местного плотника, который успел уйти в лес к партизанам. Он оставил в деревне плохо передвигающуюся старушку-мать, больную подагрой жену и десятилетнего сына с дочерью, которые должны были ухаживать за своими родителями. Этим молодым пареньком был я, а мою сестру звали Надей.

Немцы, войдя в наш дом, пошныряли по углам, постреляли в сарае, но разместиться по соседству с лесом не захотели, погрозили на прощание пальцем, забрали найденные продукты и отправились по другим хозяйствам. После их ухода мы с сестрой облегчённо вздох-

нули, насколько это было возможно тогда в наших обстоятельствах. Но, буквально через час, на нашем пороге появился он.

“Опять принесла нелёгкая...” – подумали мы, а приглядевшись, прониклись к немцу интересом. У нашего крыльца стоял высокий светловолосый юноша, худощавый, с голубыми глазами, в позолоченных круглых очках. Солдатский мундир был гладко выглажен, сапоги хоть и запылились, но было видно, что совсем недавно по ним проходились щёткой и кремом. Только пилотка на его голове сидела как-то неумело, как будто чувствовала себя не на своём месте – видимо, немец просто не умел её носить. Но самое главное, что нас поразило тогда – это его улыбка. Широкая, слегка наигранная, как будто клоунская, она вместе с прищуренными глазами и слегка задранным вверх узким подбородком явно шла наперекосяк с окружающей действительностью. Скорее, этого человека можно было встретить за прилавком в бакалейном магазине или в парикмахерской, ну пусть у портного, но никак не на пороге деревенской избы в военной форме и с кобурой на ремне.

Увидев слегка опешивших детей, открывших дверь после его вежливого стука, он сделал свою улыбку ещё шире, поднял правую руку вверх, слегка помахал ладонью и произнёс на ломанном русском:

– Приве-е-т!

Поскольку мы не знали, как реагировать на эту нелепицу, то продолжали молча смотреть на него, пока инстинктивно не кивнули головами в ответ.

– О, вы не должны меня бояться! У меня нет патронов! Я не буду стрелять! – голос его был необычайно мягким и даже бархатистым.

Немца звали Дитрих. Его мать иногда разговаривала с подругами на смеси родного польского и русского, и отец, будучи профессором филологии, тоже имел знакомство с русским языком и иногда обучал ему сына. Когда началась мобилизация, мирная немецкая семья не хотела отпускать своего совершенно не подготовленного к армии сына, но отправить его за границу родители просто не успели. Не помогли и университетские связи. Максимум, что удалось тогда выторговать, это не очень уверенное обещание будущего командира полка Дитриха не подставлять его под пули, а использовать только как переводчика и писаря при штабе. Всё это немец рассказал нам с характерным акцентом, когда мы впустили его в дом. Он попросил нас обеспечить ему ночлег, сказав, что среди других военных ему неуютно, а порой просто дико. В качестве оплаты Дитрих протянул нам большую плитку немецкого шоколада, вкус которого до сих пор остаётся у меня на языке. Патронов у него в пистолете действительно не было, он нам его показал и добавил, что вообще не сделал с начала военных действий ни одного боевого выстрела, только изображал стрельбу. В общем, Дитрих как мог завоёвывал наше расположение и надо было признать, что в какой-то мере ему это удалось.

С утра немецкий военный ушёл в полк, а в обед появился смущённый, находясь в каком-то замешательстве. Он сказал, что нам приказано явиться к штабу полка, тут же развернулся и ушёл. Мы молча отправились туда и застали у клуба, где разместился штаб, всех оставшихся деревенских жителей. Как оказалось, это было показательное выступление гитлеровских оккупантов, которые обнаружили в одном из подвалов троих мужчин и решили их прилюдно расстрелять. Описывать я это не буду, сердце до сих пор сжимается от боли. Вернулись домой мы как в тумане, сквозь который продолжал ехидно смеяться лысый немецкий офицер с сигарой в зубах. Именно он тогда, заложив руки за спину и покачиваясь на каблуках, скомандовал: “Feuer!”

Дитрих не пришёл ночевать, видимо ему было стыдно за то, что он исполнил приказ и позвал нас на это недетское зрелище. Он пришёл на следующий вечер, когда уже начало темнеть, тихонько подозвал нас с сестрой поближе и сказал, что их сегодня отправляют дальше на фронт.

– Я... не хочу воевать. Не хочу убивать. Я хочу домой, к своим родителям! У меня ещё даже нет девушки, я ещё не жил и я не хочу умирать! А меня обязательно убьют. Вы, русские – великая нация! Я всегда это знал и сейчас в этом убедился. Я чувствую свою вину... Я прошу вас, – тут он вынул из кобуры пистолет и протянул его мне, – я зарядил его. Вас всё равно убьют, если вы останетесь! Бегите в лес, в темноте за вами не погонятся. Когда они уйдут, вы вернётесь или найдёте своих партизан. Но я прошу только об одном: выстрелите в меня! Выстрелите мне в ногу, чтобы я не мог ходить и меня отправили в госпиталь в Германию! Вы раните меня и сразу же убежите, так будет лучше для всех! Пожалуйста...

Я никогда не держал в руках пистолет. Держал только отцовское охотничье ружьё, да и то не стрелял из него. Надя закрыла лицо руками, немец отошёл на пару метров и тоже закрыл глаза. Он предусмотрительно спустил предохранитель, так что мне оставалось только слегка прицелиться и нажать на курок. Но в этот момент...

С тех пор прошло много десятков лет, но передо мной постоянно всплывает в памяти тот эпизод, где бы и с кем я не находился... Я целился ему в голень. Но вдруг передо мной всплыло как в тумане то хохочущее фашистское лицо, дымящаяся сигара, лысый череп и сверкающие офицерские погоны. Перед моим взором всплыли окровавленные лица трёх деревенских мужиков, исподлобья смотрящих на дула вражеских автоматов. Из деревни донеслась немецкая речь, какие-то крики, лай собак, и я выстрелил.

Я выстрелил Дитриху прямо в лоб, не промахнувшись ни на сантиметр, и он тут же упал замертво. Я схватил опешившую сестру за руку, когда она раскрыла бледное лицо, и мы бросились в лес. Мы бежали бесконечно долго, спотыкаясь о поваленные деревья и корни, ничего не слыша и не видя вокруг. Я не знаю, была ли за нами погоня. Наверное, была. А может, и нет, ведь и правда – в лесу было уже темно, а немцы безумно боялись партизан. Утром мы набрали на своих, попали в объятия отца. Я не рассказал ему ничего, и, глядя на меня, промолчала и Надя. Уже после войны, осторожно посмотрев мне в глаза, она как-то спросила за столом: “Федя... Зачем ты убил его? Убил Дитриха?” Видимо, этот вопрос тоже мучил её. Он мучает меня до сих пор. Зачем я убил Дитриха? Ведь я стрелял тогда не в него, а в Фашиста, Гестаповца, Оккупанта, Гитлеровца. Я убивал тогда лысого немецкого офицера с сигарой в зубах, покачивающегося на своих каблуках и командующего: “Огонь!”

Но я убил Дитриха... невинного немецкого юношу, силой загнанного на чужую землю убивать чужих людей, а зарядившего свой пистолет только один раз – для того, чтобы убили его самого. В тот момент не я направлял оружие в голову Дитриха. Это был другой человек, завладевший моим разумом. Этого человека создала система, призывавшая уничтожать всех фашистов, как убийц и насильников. Безызбирательно, без суда и следствия, по закону военного времени. Да, она была права... Но тот человек, убивавший юного немца, был чужд мне. Он убил и сразу ушёл, и больше никогда не приходил. А я остался.

Что я мог рассказать тогда людям дрожащими губами и полными слёз глазами? Я боялся, что они увидят моё сожаление о случившемся и донесут об этом вышестоящим чинам. Система избавилась бы от меня, как от отработанного материала и как от опасной червоточки. Именно поэтому я никогда и никому ничего не рассказывал, и я до сих пор чувствую себя виноватым. Перед ним, перед его родителями, перед самим собой. Вот... вот что тогда произошло.

Фёдор поднял голову.

– Печальное событие. Вы не оправдали надежды доверившегося вам человека и обманули его. Неважно, какой человек национальности или вероисповедания, так как перед Богом вы все равны. Он не угрожал вам смертью и ясно дал понять, что не разделяет фашистскую идеологию. Вы же просто струсили, поддавшись страху и слепой ненависти.

– Но я был ребёнком!

– Это вас не оправдывает. Большинство людей совершают свои самые главные ошибки ещё в детстве, и потом до самой смерти расплачиваются за них. Это был ключевой момент вашей жизни.

– Но я же осознал свою ошибку, я до сих пор жалею о случившемся...

– А что вы сделали для того, чтобы исправить её, эту ошибку? Вы только сидели с рюмкой в руках и думали, какой-же вы хороший, что смогли осознать свой проступок, что вам это наверняка зачтётся после смерти. В результате, помяная убитого вами несчастного юношу, вы спились, потеряли семью и работу, а должны были после войны разыскать родителей Дитриха и всё им рассказать, попросить прощения! Именно таков был ваш путь. Там, в Германии, когда они получили известие о гибели их сына от руки партизан, они в гневе проклинали его убийцу, пожелав ему страшной смерти. Вы много раз избегали её, если вспомните, и не чудо спасало вас, а те, кто ведёт каждого человека по жизни – ваши ангелы-хранители. Но они проиграли эту битву за вас, проиграли бесам. Вы не смогли.

– Они бы убили меня, если бы я приехал к ним!

– Вы не смогли.

– У меня никогда не было таких денег, чтобы ехать за границу!

– Вы не смогли.

Фёдор уронил взлохмаченную голову на руки и опрокинул бутылку. Самогон выплеснулся на скатерть, а сама бутылка скатилась по столу, упала на пол и разбилась об угол печки.

– Что же мне делать теперь... помирать?

– Это вы всегда успеете. Я могу вас свести с сестрой Дитриха. Вы всё-равно скоро умрёте, от этого никуда не денешься. Но, согласитесь, отправиться в тот мир налегке гораздо приятнее, чем с непосильным грузом. Так вы сможете преодолеть несколько лишних уровней, и ваша участь после смерти будет не столь плачевна.

– Я согласен!! – оживший Фёдор вылупил глаза на незнакомца и готов был броситься к нему в объятия.

– Хе-хе, согласны вы... Для этого вы будете должны выполнить одно условие.

Вилиал наклонился к уху мужика и долго что-то рассказывал ему, глядя в пустоту, а Фёдор, раскрыв рот, только кивал и соглашался в ответ. На том и порешили.

Глава 15. По следу.

Ангелы промахнулись. Ну, такое случается даже с высшими существами. Полину выбросило с парашютом в 100 км от того места, где появился из земли демон, и ещё на 10 километров её снесло в сторону ветром. Таким образом, приземлившейся вдалеке от автостреды и населённых пунктов девушке предстояла нелёгкая погоня. На помощь извне рассчитывать было нельзя – можно сказать, что это были условия соревнования, хотя соревнованием борьбу за будущее человечества называть было бы весьма кощунственно. Демон шёл к своей цели собственными силами, и использование поддержки свыше нарушило бы энергетический баланс сформировавшейся системы, что грозило непредсказуемыми последствиями. Поэтому путь Полины по лесам, полям и просёлочным дорогам, переправа через реки и уговоры случайных трактористов изменить маршрут и ехать на кудыкину гору носили тяжёлый характер. Тем не менее, через два дня она стояла у обугленных останков церкви на том самом холме, внизу которого простиралась оставленная наводнением деревня.

Странную женскую фигуру в грязном белом балахоне видели на вершине холма многие жители. Она то пропадала из их вида, то появлялась снова, видимо, обследовала место пожара. “Из города,” – понимающе кивали деревенские зеваки.

Полина ходила осторожно, перешагивая ещё тёплые угли и прошитые гвоздями доски, которыми был усыпан почти весь холм. У некоторых устоявших от огня, но порядком обрушившихся стен храма она останавливалась и прикасалась к ним ладонями. Никакой информации... Как будто стёрто всё было пламенем, ветром или кем-то специально. Полина вдруг нагнулась, увидев что-то блеснувшее под ногами, и подняла с земли серебряный крестик с распятой фигурой Христа. Она крепко сжала в ладонях маленький кусочек металла и закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.